

ZAGADNIENIA METODOLOGICZNE

DOI 10.4467/25439561KSR.17.001.7871

ДМИТРИЙ ЗАМЯТИН

Высшая школа экономики в Москве

НА ПУТИ К ГЕОСПАЦИАЛИЗМУ.
ПРОСТРАНСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ
В ЗЕРКАЛЕ ГУМАНИТАРНОЙ ГЕОГРАФИИON THE ROAD TO THE GEOSPACIALISM:
THE SPACE AND THE CIVILIZATION
IN THE PROSPECT OF HUMANISTIC GEOGRAPHY

Streszczenie

Geografia humanistyczna – interdyscyplinarny kierunek naukowy, badający różne sposoby interpretacji przestrzeni ziemskiej podlegającej ludzkiej ingerencji, nie wyłączając ingerencji intelektualnej. Podstawowe terminy, którymi posługuje się geografia humanistyczna, to: pejzaż kulturowy (także etnokulturowy), regionalna (przestrzenna) tożsamość, przestrzenny lub lokalny mit (mitologia regionalna).

Schemat poznawczy badań czynnika geograficznego w odniesieniu do genezy i dynamiki cywilizacji (synchronia) jest zgodny z rozwojem poglądów naukowych na temat roli i znaczenia środowiska naturalnego (geograficznego), warunków geograficznych w budowie i odtwarzaniu cywilizacji (diachronia). Istnieją trzy poziomy kognitywne: *determinizm geograficzny*, kiedy szuka się zależności między warunkami geograficznymi i prawidłowościami rozwoju konkretnych cywilizacji; *geograficzny pozytywizm*, kiedy dowodzi się prawdopodobieństwa związku między wachlarzem geograficzno-przyrodniczych ograniczeń i możliwości i sposobami geograficznej adaptacji konkretnej cywilizacji. Na koniec *geospacjalizm*, w ramach którego lokalna cywilizacja i środowisko geograficzne pojmowane są jako nierozłączne elementy syntezy przestrzenno-cywilizacyjnej (historyczno-geograficznego obrazu).



Problematyka geoprzestrzeni i geoprzestrzennej wyobraźni zmusza i zobowiązuje do myślenia przy pomocy wizerunków cywilizacji, czyni z nich obrazy podstawowe, tworzące dynamicznie zmieniające się, przybierające na znaczeniu i zanikające wizerunki cywilizacji. Ich symbolika, semiotyka, fenomenologia mogą w dużej mierze opierać się na pojmowanym ontologicznie statusie miejsca, terytorium, pejzażu.

Summary

Humanitarian geography is an interdisciplinary science studying the different ways of representing and interpreting the earth in the spaces of human activity, including mental activity. Basic concepts, which operates humanitarian geography is the cultural landscape (ethno-cultural landscape), the geographical images, regional (spatial) identity, spatial or local myth (mythology).

Cognitive scheme of levels of consideration of the geographical factor in the Genesis and dynamics of civilizations (synchrony) in general coincides with the approximate line of the development of scientific ideas about the role and importance of natural (geographical) environment, geographical conditions in the formation and reproduction of civilizations (diachrony). In general terms, we can speak of three cognitive levels: geographical determinism, is searched when a strict causal link between geographic conditions and patterns of development of a particular civilization; geographical possibilism, when approved by the probabilistic relationship between the fan of natural-geographical constraints and opportunities and ways geographical adaptation of a certain civilization in their dynamics; and, finally, geospatialism, in which local civilization and geographical environment seem inextricably parts or elements of civilization-spatial continuity (of the image, or of the historical-geographical image).

Issues of geospatial solutions and geospatial imagination compels, obliges you to think the civilizations as the images, to present them a key images, forming a rapidly changing, growing in its value and decreasing civilization-images whose symbolism, semiotics, phenomenology may in some degree be based on ontologically understanding the civilizational status of a place, territory, landscape.

Słowa kluczowe: geografia humanistyczna, przestrzeń, cywilizacja, geokultura

Key words: humanitarian geography, space, civilization, geo-culture

Введение

Гуманитарная география – междисциплинарное научное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность³. Базовые понятия, которыми оперирует гуманитарная география –

³ Подробнее см.: Д. Замятин., *Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии*. Смоленск 1999; Он же. *Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов*. Санкт Петербург 2003; Он же. *Метагеография: Пространство образов*

это культурный ландшафт (также этнокультурный ландшафт), географический образ, региональная (пространственная) идентичность, пространственный или локальный миф (региональная мифология). Понятие «гуманитарная география» тесно связано и пересекается с понятиями «культурная география», «география человека», «социокультурная (социальная) география», «общественная география», «гуманистическая география»⁴.

Первоначально гуманитарная география развивалась в рамках антропогеографии (начало XX в.), позднее – в рамках экономической и социально-экономической географии (с 20-х гг. XX в.). Значительные научные достижения в понимании цели и задач гуманитарной географии связаны с развитием культурного ландшафтоведения, географии населения, географии городов, географии туризма и отдыха, культурной географии, поведенческой (перцепционной) географии, географии искусства⁵.

В начале XXI в. понятие «гуманитарная география» часто воспринимается как синоним понятия «культурная география». В отличие от культурной географии, гуманитарная география: 1) может включать различные аспекты изучения политической, социальной и экономической географии, связанные с интерпретациями земных пространств; 2) позиционируется как междисциплинарная научная область, не входящая целиком или основной своей частью в комплекс ге-

и образы пространства, Москва 2004; Он же. *Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях*, Москва 2004; Он же. *Культура и пространство: Моделирование географических образов*, М Москва 2006; *Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах*. Сост. и отв. ред. Д.Н. Замятин. Вып. 1–4. М Москва 2004–2007.

⁴ D. Lowenthal, *Geography, experience and imagination: towards a geographical epistemology* [in: “Annals of the Association of American Geographers” 1961. Vol. 51. No. 3. P. 241–260; *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays.* / Ed. By D.W. Meinig. N.Y., Oxford: Oxford University Press 1979; Y. Tuan. *Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, a. values*, With a new pref. by the author. N.Y.: Columbia University Press 1990; S. Daniels, *Place and Geographical Imagination*, “Geography” No. 4, (337), 1992. P. 310–322; T. Jordan, M. Domosh, L. Rowntree, *The Human Mosaic: A Thematic Introduction to Cultural Geography*. Sixth Edition. N.Y.: Harper Collins College Publishers 1994; *Geography and National Identity*. Ed. by Hooson D. Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell 1994; S. Schama, *Landscape and Memory*. N.Y.: Vintage Books, 1996; *Cultural Turns. Geographical Turns. Perspectives of Cultural Geography*. Ed. by S. Naylor, J. Ryan, I. Cook and D. Crouch. N.Y.: Prentice Hall 2000; *Studing Cultural Landscapes*. Ed. By I. Robertson and P. Richards. N.Y.: Oxford University Press 2003 и др.

⁵ См. подробнее: Дж. Голд, *Психология и география: Основы поведенческой географии*, пер. С. Федулова, Москва 1990; Ю. Веденин, *Очерки по географии искусства*, Санкт Петербург 1997; Р. Туровский, *Культурная география: теоретические основания и пути развития* [в:] *Культурная география* Науч. ред. Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский. Москва 2001. С. 10–94; О. Лавренова, *Новые направления культурной географии: семантика географического пространства, сакральная и эстетическая география*, там же, С. 95–126; В. Стрелецкий, *Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии*, «Известия РАН». Сер. геогр., №4., 2002. С. 18–28.

ографических наук; 3) смещает центр исследовательской активности в сторону процессов формирования и развития ментальных конструктов, описывающих, характеризующих и структурирующих первичные комплексы пространственных восприятий и представлений.

К научно-идеологическому ядру гуманитарной географии можно отнести: культурное ландшафтоведение, образную (имагинальную) географию, когнитивную географию⁶, мифогеографию⁷, сакральную географию. Гуманитарная география развивается во взаимодействии с такими научными областями и направлениями, как когнитивная наука, культурная антропология, культурология, филология, политология и международные отношения, геополитика и политическая география, искусствоведение, история.

Основные интерпретации образа гуманитарной географии

География сама по себе – сильный и мощный образ знания, «привязанного» к восприятию, воображению и интерпретациям земного пространства. Этот образ никогда не был – по крайней мере, в пределах надежно воспроизводимой истории цивилизаций – полностью или абсолютно рационализированным, даже в эпохи жесткого научного позитивизма и постпозитивистских научных идеологий. Основная методологическая проблема географии, осознанная и сформулированная сравнительно поздно, только к середине XIX – началу XX века, заключалась, по всей видимости, в том, что земное или географическое пространство не «подавалось» классическим дискурсам гуманитарных наук, сложившимся, так или иначе, в своих первоначальных «развёртках» к концу Века Просвещения.

Нет сомнения, что до определённого периода – примерно до начала XX века – география как быстро формировавшаяся и дифференцировавшаяся научная дисциплина вполне успешно могла обходиться методологиями и методиками естественных наук, прямо ориентировавшихся на позитивистские стратегии и идеалы получения и развития научного знания. Кроме того, большинство так называемых гуманитарных наук вплоть до середины XX века, как минимум, также ориентировалось на явно или неявно естественнонаучные/позитивистские идеалы научного знания – порой даже вне зависимости от степени успешности их использования и применения⁸. Наконец, такие науки, как демография, статистика и этнография,

⁶ Н. Замятина, *Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований*, // «Известия РАН». Сер. геогр. №5. 2002. С. 32–37.

⁷ И. Митин, *Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов*. Смоленск 2004.

⁸ См., например: Г. Бейтсон, *Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии*, Москва 2000; Он же. *Разум и природа: Неизбежное единство*, Москва 2007.

в институциональном «лоне» которых сравнительно долго – в течение большей части XIX века – «вынашивалась» география, также предпочитали, а, частично, и до сих пор предпочитают сравнительно массовидные методы исследования, восходящие, прямо или косвенно, к идеологии позитивизма.

Не следует, однако, недооценивать роли и значения позитивизма как научной идеологии в том, что к концу XX – началу XXI века можно было назвать гуманитарной географией. По сути дела, сам позитивизм был мощным и закономерным следствием общего процесса секуляризации и гуманитаризации науки как специфической ментальной и социокультурной деятельности, начавшимся еще в эпоху европейского Возрождения. В этом смысле, не прибегая пока к более развёрнутым формулировкам, гуманитарную географию можно пока назвать постпозитивистской версией классической географии XIX века, учитывающей позитивизм как безусловное ментальное ядро или методологическую «почву», от которой, несомненно, надо отталкиваться и отдаляться, но лишение, забвение или уничтожение которой – по крайней мере, пока – еще не возможно и не нужно.

Понимание образа гуманитарной географии неотъемлемо от осознания – пусть постепенного и всегда как бы не полного – значимости интерпретаций земного пространства, становящегося тем самым гео-графическим. Именно в этой постоянно нарастающей, постоянно преследуемой всевозможными образами и символами географичности «ускользающего» земного пространства и заключается возрастающий «шанс» гуманитарной географии. Но такой когнитивный, или образный шанс не обретается сам по себе, в некоей «безвоздушной среде» чистого познания или чистого искусства: гуманитарная география развивается в той мере, в какой человеческие сообщества «опространствляют» свою деятельность, или же рассматривают пространство как существенную и значимую репрезентацию их деятельности – включая, естественно, и непосредственные пространственные репрезентации⁹.

Не будет преувеличением отметить, что так называемые древние общества, а, частично, также и средневековые, рассматривали или же оценивали земное пространство как, в основном, некий внешний образ, репрезентируемый либо какими-либо прямыми и косвенными возможностями, ограничениями, «угрозами» и, наоборот, благоприятными экологическими обстоятельствами, либо яркими и выпуклыми нарративами религиозного, мифологического, философского, исторического, художественного характера. Традиционное восприятие земного пространства отличается непосредственностью географического воображения, проявляющегося в несомненной древности и практической вечности менталь-

⁹ См., например: К. Шмит, *Номос Земли в праве народов jus publicum europeum*, Санкт Петербург 2008.

ных основ сакральной географии¹⁰. Можно сказать, что в случае сакральной географии акт восприятия и акт воображения пространства являются безусловным единым «гештальтом», обеспечивающим относительную общественную эффективность сочленения и соотнесения нарративов «видимых» (условная материальная деятельность) и «невидимых» (условная духовная, культурная, автономная ментальная деятельность).

Было бы достаточно легко – по крайней мере, методологически – представить хорошо известную и документированную историю человеческих сообществ как историю вполне закономерной интериоризации земного пространства как определённого ментального конструкта в тех или иных вариациях (этнокультурные ландшафты, культурные ландшафты, ландшафты культуры, географические образы, локальные мифы, региональные идентичности, типичные или типовые пейзажи – например, эллинистический пейзаж, геотнические или геокультурные панорамы¹¹). Обобщая, можно вывести подобные анализы на уровень закономерностей развития специфических геокультур, сменяющих друг друга, или, что более правдоподобно, сосуществующих друг с другом – по мере того, как возникают всё новые и новые геокультуры, а некоторые более старые геокультуры могут и отмирать, исчезать – не имея более «конкурентноспособных» в общественном смысле, постоянно воспроизводимых в социологическом плане репрезентаций¹². Наконец, можно говорить и о параллельном, иногда вполне изолированном друг от друга, развитии так называемых способов видения (взятых, интерпретированных в широком ключе, хотя и с опорой на несомненных зрительных образах), обусловленных конкретными социокультурными и/или цивилизационными установками в духе Освальда Шпенглера.

Не замыкаясь на истории собственно географии, взятой в её научном, донанучном или парананучном срезе, и пытаюсь мыслить гуманитарную географию как широкий образ ментальной деятельности, «озабоченной» всевозможными интерпретациями земного пространства, следует всё же не ограничиваться очевидным плодотворным историзмом, позволяющим развёртывать логически состоятельные и убедительные варианты развития гуманитарных представлений пространства. Не следует ли постоянно «откидывать», отбрасывать в менталь-

¹⁰ Ср.: Р. Генон, *Символика креста*. Москва 2004; А. Корбен, *Свет славы и святой Грааль*. Москва 2006.

¹¹ В. Топоров, К происхождению и функциям «гео-этнических» панорам в аспекте связей истории и культуры. Тезисы. Ин-т славяноведения и балканистики, Москва 1991. С. 86–108; Он же. *Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персоналогии*. Ч. I. Москва 1993.

¹² Д. Замятин, *Геокультура: образ и его интерпретации*, «Социологический журнал» № 2. 2002, С. 5–13; Он же. *Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов* [в:] *Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса*, отв. ред. Э. Сайко, Москва 2003. С. 213–256.

ном плане, а – лучше – онтологически – вновь возникающие художественные, философские, научные феноменологии образов пространства – как бы назад, к истокам, в «лоно» их первоначального ментального бытия, где эти образы «слипаются» с пространством самой мысли о них, или же любая ментальная деятельность неразличима вне самого пространства такой деятельности? Не является ли пространство в этом случае онтологическим условием существования гуманитарной географии, а сама гуманитарная география может быть лишь приблизительным эквивалентом общественной, цивилизационной, локальной возможности пространственного представления как такового?

Географический фактор в генезисе и динамике цивилизаций

Понятие и образ цивилизации, взятые в их типологическом аспекте, представляют собой, с точки зрения гуманитарной и образной географии, не что иное, как очень важный и существенный этап в развитии представлений и образов земного пространства. Несомненно, что основное содержательное наполнение этого понятия произошло в эпоху Просвещения – тогда же, когда теория географического детерминизма получила своё мощное концептуальное оформление, прежде всего в трудах Монтеスキё. Не пытаясь непосредственно вывести одно из другого, можно, однако, уверенно сказать: интеллектуальный климат и контекст Просвещения способствовал пониманию значимости географического фактора в историческом развитии человечества, человеческих сообществ¹³ и, поскольку концепт цивилизации и цивилизаций становится одним из ключевых в европейском (западном) дискурсе, также и в историческом развитии цивилизаций.

Заметным и неустранимым обстоятельством проникновения понятия цивилизации в толщу европейского дискурса стало очевидное признание западными наблюдателями, исследователями, путешественниками, мыслителями, философами явного различия между западными и восточными культурами, между развитыми в политическом и социально-экономическом плане культурами Западной Европы и архаическими культурами Африки, Азии, Австралии и Америки и – как следствие – подтверждение онтологической правильности давней, берущей своё начало с античной эпохи, дискурсивной оппозиции цивилизация/варварство¹⁴. Не будет преувеличением сказать, что, начиная с эпохи Просвещения,

¹³ См., например: Ж. Ж. Руссо, *Избранное: Исповедь; Прогулки одинокого мечтателя*. Москва 1996. С. 349, 572–579, 597–599.

¹⁴ См.: А. Тойнби, *Постижение истории*. Москва 1991; К. Леви-Строс, *Путь масок*, Москва 2000. С. 323–357; Он же. *Первобытное мышление*, Москва 1994. С. 111–337; Ж. Вернан, *Происхождение древнегреческой мысли*, Москва 1988; П. Видаль-Накэ, *Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире*, Москва 2001. С. 269–281; историко-культурный

образ цивилизации имеет во многом географические концептуальные основания, а географическое положение практически любой цивилизации и культуры приобретает, с точки зрения интерпретатора, не только феноменологический, но и онтологический статус – это проявляется уже в образной насыщенности философско-культурологических терминов «Запад» и «Восток». Существенно также отметить, что в течение XIX века этому идеологическому процессу способствовало активное распространение и применение понятия варварства, взятого также по преимуществу в его культурно-локальных срезах – причем не только в негативных, но и в позитивных аксиологических коннотациях (противопоставления типа «дряхлая цивилизация – молодое и активное варварство») ¹⁵.

Пытаясь рассмотреть роль и значение географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций, приходится отказываться от дихотомии цивилизованные страны/не цивилизованные страны, так хорошо работавшей на протяжении всей эпохи расцвета естественнонаучного и исторического позитивизма, опиравшегося на интеллектуальные достижения Просвещения. Между тем, уже в эпоху позитивизма многим исследователям стал понятен неоднозначный, сложный и не всегда прямо объяснимый характер воздействия географических условий на развитие цивилизаций, особенно ясный в случае сравнения особенностей дина-

альманах «Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации». М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1982–1988; *Сравнительное изучение цивилизаций*, Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов, Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998; У. МакНейл, *Территориальная экспансия цивилизации как преодоление варварства*, там же. С. 168–171; Ш. Эйзенштадт, *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций*. Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. Москва 1999; М. Исаева, *Представления о мире и государстве в Китае в III–VI веках н.э. (по данным «нормативных описаний»*. Институт востоковедения РАН, Москва 2000; М. Крюков, В. Малявин, М. Софронов, *Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени*. Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», Москва 1987; И. Яковенко, *Цивилизация и варварство в истории России. Статья 1. Варварство как социологическая модель*, «Общественные науки и современность» № 4. 1995, С. 66–78. Того же, *Варварство и цивилизация в истории России. Статья 2. Россия – варварская цивилизация?*, «Общественные науки и современность» № 6. 1995. С. 78–85. Того же, *Цивилизация и варварство в истории России. Статья 3. Казачество*, «Общественные науки и современность» № 3. 1996, С. 104–111. Того же, *Цивилизация и варварство в истории России. Статья 4. Государственная власть и «блатной мир»?*, «Общественные науки и современность». 1996. № 4. С. 87–97; И. Нойманн, *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей*, Москва 2004; Д. Терин, «Цивилизация» против «варварства»: к историографии идеи европейской уникальности, «Социологический журнал» № 1 и др. 2003. См. также специфическую версию этой проблематики в концепции фронта, первоначально получившей развитие на материале истории США (F. Turner, *The Significance of the Frontier in American History*, Proceedings of the State Historical Society of Wisconsin. 1894. # 41. P. 79–112), а затем плодотворно развитой на материалах других регионов и цивилизаций (см., например: D. Shaw, *Southern Frontiers of Muscovy, 1550–1700*, *Studies in Russian Historical Geography*, eds. J. Bate, R. French, London 1983. P. 117–142).

¹⁵ См., например: Д. Сармьенто, *Избранные сочинения*, Москва 1995; *Сравнительное изучение цивилизаций...* с. 437–464.

мики разных цивилизаций в примерно одинаковой по природно-климатическим показателям географической среде. Цивилизация как таковая стала постепенно осознаваться как пространственно изменчивое явление, как, безусловно, территориальный феномен, при изучении которого приходится обращать внимание и на культурную диффузию, взаимодействие и обмен между соседними, а иногда и отдалёнными цивилизациями, и на пространственную динамику самой цивилизации, изменяющей в ходе своего территориального расширения, сжатия или перемещения не только собственно физико-географические параметры и рамки своего существования, но и собственные представления о географической среде и способах адаптации к ней¹⁶.

Осмысление роли культурно-географического пространства для развития цивилизаций, как правило, связывают в наибольшей степени с концепциями Н. Данилевского, О. Шпенглера и Дж. Тойнби. Несмотря на большие содержательные различия – как по методологии, так и по сути их теоретических построений – можно сказать, что концепт локальных цивилизаций, представляемых как пространственно-временная целостность (фактически – территориальный гештальт), был принят и стал «рабочим инструментом» не только в философско-культурологических или историсофских штудиях, но и во внешне позитивистских по духу исторических, этнологических и культурно-географических исследованиях. Географическое пространство стало пониматься как активная среда, способствующая выработке своего рода цивилизационного самосознания; сама по себе локальная цивилизация уже не рассматривалась как нечто внешнее по отношению к территории, где она формировалась и существовала; понятие ландшафта/культурного ландшафта стало просто необходимым при научных описаниях и характеристиках практически любых цивилизаций¹⁷.

В методологическом плане понятие варварства, не столько идеологически оформленное с точки зрения значимости географического фактора в его развитии, стало постепенно частью комплекса более общих научных представлений о географической среде и географическом пространстве цивилизаций. По существу, варварство оказалось не равноценным концептуальным элементом в оппозиции цивилизация/варварство, а попросту дополнительным понятием,

¹⁶ См.: Л. Февр, *Бои за историю*, Москва 1991; И. Витвер, *Французская школа географии человека*; Он же. Избранные сочинения, под ред. В. Вольского и А. Слуки, Москва 1998. С. 513–546; Ф. Бродель, *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II*, часть 1. *Роль среды*, Москва 2002.

¹⁷ W. Zelinsky. *The Cultural Geography of the United States*, Prentice-Hall 1973; *The Interpretation of Ordinary Landscapes. Geographical Essays*, ed. by D.W. Meinig, New 1979; Yi-Fu. Tuan, *Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, a. values*. With a new pref. by the author. New York 1990; S. Schama, *Landscape and Memory*, New York 1996; J. Murrey, *Mythmakers of the West: Shaping America's Imagination*, Northland Publishing 2001; *Studing Cultural Landscapes*, ed. by I. Robertson and P. Richards. New York 2003.

помогающим изучать и объяснять особенности динамики цивилизаций на их территориальных окраинах – там, где этим цивилизациям приходится вырабатывать новые стратегии адаптации к непривычной географической среде и взаимодействовать с другими цивилизациями, уступающими им в политической и социальной организации, а также с точки зрения технико-экономического уровня развития. Так или иначе, понятие и образ варварства остаётся до настоящего времени маркером цивилизационно-пространственного перехода, резкого слома, сигнализирующего о существенном дисбалансе между внутренними представлениями цивилизации о самой себе и её внешними консолидированными представлениями, помогающими ей, как это ни странно, обретать собственную геопространственную идентичность (понятно, что образ варварства может быть обоюдоострым идеологическим «оружием» – это быстро проявляется в периоды политических и военных конфликтов и войн).

Три когнитивных уровня анализа проблемы

Когнитивная схема уровней рассмотрения географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций (синхрония) в общих чертах совпадает с примерной линией развития самих научных представлений о роли и значении природной (географической) среды, географических условий в становлении и воспроизводстве цивилизаций (диахрония). В общем виде можно говорить о трёх когнитивных уровнях: *географический детерминизм*, когда ищется строгая причинная связь между географическими условиями и закономерностями развития конкретной цивилизации; *географический POSSИБИЛИЗМ*, когда утверждается вероятностная связь между веером природно-географических ограничений и возможностей и способами географической адаптации определённой цивилизации в их динамике; и, наконец, геоспациализм, или *геоспациализм*¹⁸, в рамках которого локальная цивилизация и географическая среда представляются неразрывными частями, элементами цивилизационно-пространственной целостности (образа, историко-географического образа). Более подробно характеристика каждого уровня будет дана ниже, здесь же отметим, что эти уровни не отрицают друг друга при изучении какого-либо чётко ограниченного пространственно-временными параметрами цивилизационного феномена; в то же время отмеченный выше диахронический момент (развитие самих представлений) ведёт к появлению вполне полноценных научных исследований, чей дискурс может быть ограничен лишь одним когнитивным уровнем (другой вопрос – преобладание, доминирование того или иного дискурса, борьба, сосуществование дискурсов в конкретную историческую эпоху).

¹⁸ Термин и понятие введены мной. – Д.З.

Географический детерминизм как исследовательский дискурс

Географический детерминизм как специфический исследовательский дискурс основан на предположении, что «природа», природные условия, климат, географические условия, географическая среда в целом представляют собой своего рода внешних агентов, воздействующих в той или иной степени на развитие человеческих сообществ, культур и цивилизаций. По существу, в когнитивном отношении географический детерминизм является сочетанием крайней (сильной) степени абстрагирования (поскольку «природа», осознанно или неосознанно, считается вынесенной как бы за рамки собственно активных и меняющихся человеческих представлений и не зависимой в своём образе от них) и в то же время жёстких мыслительных алгоритмов прикладного характера, действующих, как правило, в рамках обыденной логики. Это одновременно есть и сильная, и слабая сторона географического детерминизма, так как выводы о влиянии географического фактора на развитие цивилизаций в контексте данной парадигмы опираются чаще всего на ряды вполне достоверных и проверенных естественнонаучных и этнографических наблюдений, географических описаний, исторических фактов, организованные вполне корректно с точки зрения обыденной логики – однако сам образ географического фактора, географических условий, географической среды оказывается «вынесенным за скобки», непроработанным, интуитивно «отброшенным» за методологической и практической «ненадобностью». Такая формулировка остаётся верной и при учёте тех теоретических и методологических изменений, которые произошли в традиционной науке и в традиционных научных парадигмах в течение XIX – начале XX в. в ходе открытия эволюционизма, эволюционной концепции, принципов комплексности и принятия их «на вооружение» в геологии, биологии, географии¹⁹.

Так или иначе, с помощью географического детерминизма удаётся обнаружить и зафиксировать весьма существенные аспекты, связанные с ролью географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций, которые отнюдь не исчезают в результате их технологического, социального и политического развития, а просто приобретают другой когнитивный и практический контекст. Подобная трансформация географического детерминизма, проявляется, как ни странно, во всё более скрупулёзных и детальных исторических, этнографических, географических исследованиях цивилизаций прошлого в их взаимосвязи с окружающей природной средой (например, изучение формы жилищ, маршрутов передвижения, территориальной организации производства, антропогенных ландшафтов) и, наряду с этим, в рождении и устойчивом идеологическом и культурном вос-

¹⁹ См., например: W. Hoskins, *The Making of the English Landscape*, London 1985 (first edition – 1955); А. Дулов, *Географическая среда и история России. Конец XV – середина XIX в.*, Москва 1983.

производстве геополитических концепций, теорий развития империализма, традиционалистских построений паранаучного характера, опирающихся на онтологически сакральную значимость того или иного географического положения²⁰. В любом случае, географический детерминизм оказывается, с одной стороны, вполне «работающим» на традиционных локальных участках социальных и естественных наук, не претендующих на трансцендентальный характер результатов своих исследований; с другой стороны, сами когнитивные формы репрезентации и интерпретации географо-детерминистских построений стали более расширенными и открытыми с точки зрения экологизма, энвайронментализма, ноосферных концепций. Можно сказать, что методологически образ географического фактора, природы как таковой в современном географическом детерминизме сильно расширился, хотя «природа» в данных концептуальных рамках так и остаётся вне какой-либо включённой в логическое мышление образной рефлексии и образной динамики – способствуя тем самым, как ни парадоксально, всё новому и новому возрождению ярких геоцивилизационных концепций и теорий с явно иррациональной подосновой или «подложкой» (как, например, концепция евразийцев²¹, теория «гидравлических обществ» и «восточного деспотизма» К. Витфогеля²² или концепция Л.Н. Гумилева).

Геопоссибилизм: методология анализа

Геопоссибилизм, оформившийся концептуально приблизительно в 1910–1920-х гг. благодаря трудам Видаля де ла Блаша, а затем работам французской исторической школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель и их последователи во Франции и других странах), с одной стороны тесно примыкает к географическому детерминизму, а с другой – совершает качественный методологический «скачок», «рывок», с помощью которого исследования геоцивилизационного характера приобретают гораздо бóльшую гибкость и теоретическую действенность. Главное, что свойственно в методологическом отношении геопоссибилизму, в отличие от геодетерминизма – это представление о вероятности воздействия географического фактора на развитие отдельных цивилизаций, когда тот ли иной элемент природно-климатических условий, тот или иной ас-

²⁰ См.: К. Хаусхофер, *о геополитике. Работы разных лет*, Москва 2001; В. Цымбурский, *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы*, Москва 1992; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007; Р. Генон, *Символика креста*, Москва 2004. С. 247–355.

²¹ См.: П. Серю, *Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг.*, Москва 2001.

²² К. Wittfogel, *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*, New Haven 1957; *Agriculture*, Idem, *A Key to the Understanding of Chinese Society, Past and Present*, Canberra 1970.

пект географического положения трактуется достаточно «мягко» – иначе говоря, предполагается, что цивилизация, в зависимости от определённых обстоятельств (иногда случайных, иногда закономерных) может «заметить» или «не заметить» потенциально положительное или отрицательное воздействие конкретных параметров собственной географической среды на её динамику. Другими словами, всякое цивилизационное исследование в рамках концепции геопоссибилизма становится, по сути, геоцивилизационным; цивилизация не вычленяется из географического пространства и географической среды, как некий посторонний, инородный объект; она представляется «органичной» для данного географического пространства, и именно из этого положения проистекает очевидная вариативность как спектра способов адаптации к природно-климатическим условиям, к географическому положению, так и самая «мягкость» определений конкретных составляющих географического фактора. Цивилизация здесь всегда рождается в конкретном географическом пространстве и во многом обязана именно ему своим своеобразием, своей культурной, политической, экономической спецификой; её динамизм проявляется и в расширении спектра способов адаптации к окружающей среде, что отражается в возникновении всё новых типов свойственных ей культурных ландшафтов. Характерно при этом, что геопоссибилизм не теряет «вкуса» к изучению мелких, подробных деталей взаимодействия цивилизаций и культур с географической средой²³, что характерно и для геодетерминизма, но, в отличие от детерминизма, геопоссибилизм имеет иные целевые установки и иные контексты для исследования таких деталей, это ведёт зачастую к совершенно другим теоретическим и методологическим выводам.

Следует обратить внимание, что в рамках геопоссибилизма частично теряет свой концептуальный смысл понятие географического фактора. Поскольку любая цивилизация имеет свои естественные географические «корни» и обладает в соответствии с этим определённым набором географических представлений, культурных ландшафтов, неких условных «слепков», когнитивных фреймов, связанных с решением конкретных пространственно-средовых ситуаций, то, географический фактор, сам по себе, «овнутряется», интровертируется, становится стабильной, постоянной цивилизационной интроспекцией, для обозначения которой, как правило, чаще пользуются понятием географической среды. «Природа», образ природы в таком случае обретает черты переходного феномена с двойным онтологическим статусом: он признаётся когнитивно необходимым при исследовании феномена цивилизации вообще и при изучении взаимодействия определённой цивилизации с географической средой; в то же время «природа» остаётся всё же неким тотальным внешним «зеркалом» для всякой

²³ См., например: Ф. Бродель, *Что такое Франция?*, Кн. первая: *Пространство и история*, Москва 1994.

цивилизации, но её абсолютно внешний образ по отношению к самим методологическим и теоретическим манипуляциям и приёмам, присущий, например, геодетерминизму, как бы размывается, растекается; «природа» разделяется на отдельные когнитивные участки, области, в пределах которых отдельные характеристики её образа осмысляются как свои, «домашние» для данной цивилизации, локализируются и «доместицируются» как уже внутренние характеристики типичных культурных и цивилизационных ландшафтов (например – типичный средиземноморский ландшафт, типичный китайский ландшафт, типичный европейский ландшафт и т.д.).

Геоспациализм: возникновение и развитие

Предпосылки к формированию той научной парадигмы, которую можно назвать *геоспациализмом*, начали возникать и развиваться в последней четверти XX – начале XXI в. По всей видимости, понятия постмодерна и глобализации являются необходимыми коррелятами понятия геоспациализма, однако геоспациализм понимается здесь одновременно и уже, и шире, нежели два первых, более устоявшиеся понятия. Применительно к рассматриваемой проблематике, в узком смысле, геоспациализм обозначает столь сильное и очевидное цивилизационное и культурное дистанцирование и опосредование понятий географического фактора и географического пространства, что, по сути дела, теряет смысл сам вопрос о роли географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций – можно сказать, географическое пространство само по себе оказывается в некотором роде ментальным продуктом определённой цивилизации, оперирующей собственными ей географическими образами²⁴. Это не значит, что в рамках подобной парадигмы нельзя говорить об адаптации локальных цивилизаций к конкретным природно-климатическим условиям и географическому положению; речь, как правило, идёт о том, что всякая локальная цивилизация уже в своём генезисе невозможна без первоначальных и присущих только ей специфических пространственных представлений, в которых уже присутствуют «коды» такой адаптации.

В широком смысле под геоспациализмом понимается идеологический, цивилизационный, культурный переход к пространственным формам воспроизводства основных видов человеческой деятельности, причём и человеческое

²⁴ Д. Замятин, *Геокультура: образ и его интерпретации*, «Социологический журнал» № 2, 2002, с. 5–13; Он же. *Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов* [в:] *Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса*, ред. Э. Сайко, Москва 2003. С. 213–256; Ср.: Э. Саид, *Ориентализм. Западные концепции Востока*, Москва 2006.

мышление само по себе начинает переходить к специфическим образам пространства, репрезентирующим и интерпретирующим внешне очевидные процессы развития культур и цивилизаций²⁵. Начало этого перехода можно проследить, по крайней мере, с эпохи Возрождения; решительный поворот к развёртыванию основных форм и выражений геоспациализма можно отнести примерно к 1900–1930-м гг., когда резко активизировавшиеся процессы политическо-географической и политико-идеологической дифференциации сочетались с концептуальными «взрывами» в науке, искусстве, литературе, философии, в ходе которых проблематика пространства и его интерпретации выходит на первый план²⁶. Не углубляясь в подробное рассмотрение генезиса и содержания геоспациализма, взятого в широком смысле, стоит лишь отметить, что основные концептуальные членения современной географии и её дисциплинарная матрица как раз и начали «отвердевать» в первой половине XX в.²⁷; в этом смысле можно гово-

²⁵ Ср. по аналогии вполне марксистский подход к проблематике воспроизводства пространства: Н. Lefebvre., *The Production of Space*, Oxford: Blackwell 1991.

²⁶ См., прежде всего: П. Флоренский, *Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии*, Москва 2000; Он же. *У водоразделов мысли*. Соч. в 2-х т. Т. 2. Москва 1990. С. 43–109; Он же. *Иконоста: Избранные труды по искусству*, Санкт Петербург 1993. С. 283–307; А. Ухтомский, *Доминанта*, Санкт Петербург 2002; Э. Панофский, *Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика*, Санкт Петербург 2004; М. Хайдеггер, *Бытие и время*, пер. с нем. В. Бибихина. Москва 1997; Р. Генон, *Избранные сочинения: Царство количества и знаменья времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте*, Москва 2003. С. 32–39, 135–145; Он же. *Символика креста*. Москва 2004; Э. Юнгер, *Рабочий. Господство и гештальт*. Санкт Петербург 2000; В. Беньямин, *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости*. Москва 1996; А. Арто, *Театр и его двойник*. Москва 1993; М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе*, в его же: *Вопросы литературы и эстетики*. Москва 1975. С. 234–408; Он же. *Эстетика словесного творчества*. Москва 1986; *Органика. Беспредметный мир природы в русском авангарде XX века*. Москва 2000 и др. В живописи это – возникновение и развитие кубизма, футуризма, супрематизма, конструктивизма; творчество Пикассо, Кандинского, Шагала, Малевича, Филонова, группы «Зор-вед» (М. Матюшин и его последователи). В музыке прежде всего – Шёнберг. В кино – творчество С. Эйзенштейна, Л. Бунюэля; в фотографии – творчество Э. Атже, А. Родченко; в архитектуре – произведения Ф.Л. Райта и К. Мельникова. В литературе – произведения Пруста, Кафки, Джойса, Платонова. Отдельного рассмотрения в контексте геоспациализма заслуживают такие социокультурные феномены, как русский авангард и сюрреализм. Естественно, что всех упомянуть здесь невозможно, я концентрирую внимание на наиболее важных явлениях и авторах в рамках данной темы.

²⁷ См.: П. Джеймс, Дж. Мартин, *Все возможные миры*. Москва 1988. Примерно в это же время происходит теоретическое оформление хорологической концепции в географии, зародившейся в первой половине XIX века и ставшей одной из наиболее влиятельных географических концепций, начиная с 1920-х гг. до настоящего времени, см.: К. Риттер, *Идеи о сравнительном землеведении*, «Магазин землеведения и путешествий». Географический сборник, издаваемый Николаем Фроловым. Т. II. Москва 1853. С. 353–556; А. Геттнер, *География. Ее история, сущность и методы*. Пер. с нем. Е. Торнеус; Под ред. Н. Баранского, Ленинград, Москва 1930; Д. Замятин., *Методологический анализ хорологической концепции в географии*, «Известия РАН». Серия географическая. № 5, 1999, С. 7–16.

рять, что фундаментальная проблематика современной географии есть порождение решительного цивилизационного поворота к геоспациализму, и в то же время она может фиксироваться как одна из его существенных черт и проявлений.

Возвращаясь к вопросу о геоспациализме, взятом в узком смысле, применительно к контексту взаимодействия цивилизации и географического пространства, следует остановиться на трёх основных моментах. Первый из них формулируется как проблема методологических «ножниц», связанная с содержательными и формальными различиями в репрезентации и интерпретации географических образов какой-либо цивилизации между внешним наблюдателем/исследователем (он может быть современником, но может жить и гораздо позже, в эпоху, когда данная цивилизация исчезла, перестав себя воспроизводить и оставив лишь материальные и ментальные следы и остатки своей деятельности) и представителями самой цивилизации или же материальными и духовными памятниками древней цивилизации, благодаря которым могут быть реконструированы её доминирующие географические образы²⁸. В такой когнитивной ситуации можно говорить о транзитных, переходных географических образах гибридного характера, содержащих интерпретации географического пространства исчезнувшей или чужой цивилизации – так, как они возможны с точки зрения представителя другой цивилизации. В любом случае, в методологическом плане геоспациализм предполагает существование и развитие медиативных междивизиационных пространств с гибкой ментальной структурой, позволяющей фиксировать, изучать и использовать одновременно географические представления, образы, символы различных культур и цивилизаций.

Второй момент следующий: в рамках геоспациализма всякая локальная цивилизация мыслится как пространственно расширяющаяся – причем даже не только и не столько политически (хотя это происходит часто²⁹), сколько экономически и культурно, когда образцы и стереотипы определённого цивилизационного поведения, конкретные цивилизационные установки (часто опирающиеся

²⁸ См., например: *Классический фэншуй: Введение в китайскую геомантию*. Санкт Петербург 2003; М. Гране, *Китайская мысль*. Москва 2004; Г. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен, *В преддверии философии. Духовные искания древнего человека*. Москва 1984; Дж. Кэмпбелл, *Мифический образ*. Москва 2002; Г. Кнабе, *Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима* [в:] *Культура Древнего Рима*. Ред. Э. Голубцова, Т. II. Москва 1985, с. 108–167; С. Топоров, *Эней – человек судьбы. К «средиземноморской» персонологии*. Ч. I. Москва 1993; С. Ошеров, *Найти язык эпох (от архаического Рима до русского Серебряного века)*. Москва 2001; А. Подосинов, *Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*. Москва 1999; Он же. *Символы четырех евангелистов: Их происхождение и значение*. Москва 2000 и др.

²⁹ См. классические образцы подобного «геомессианства» на примере США: *История США. Хрестоматия*. Москва 2005; один из наиболее ярких образцов: К. Шурц, *Предопределённая судьба (1893)*, там же. С. 116–129.

на сакральные представления и господствующую религию) постепенно выходят за границы своего первоначального распространения (цивилизационного ядра) и, приобретая различные модификации, начинают проникать в переходные межцивилизационные зоны (зачастую «переформатируя» их), а иногда и в сферы традиционного культурного влияния других локальных цивилизаций³⁰. Этот процесс может управляться и контролироваться лишь частично, поскольку ментальные продукты самостоятельной, сформировавшейся цивилизации обладают, как правило, определённой пространственной синергией – они могут быть потенциально востребованы в каком-либо регионе, территории, испытывающих своего рода культурно-цивилизационный «дефицит» или цивилизационный «голод». Так или иначе, локальные цивилизации потенциально чаще всего тяготеют к пространственной экспансии (несмотря на возможные периоды и эпохи сознательной политической изоляции – как, например, Япония в эпоху Токугава – тем более что такая изоляция по разным обстоятельствам никогда не может быть полной³¹), причём подобная экспансия может быть выражена соответствующими географическими образами, как бы упаковывающими, представляющими и продвигающими исходную цивилизацию на её новые пространственные рубежи.

Третий момент акцентирует наше внимание на проблеме геопропространственной относительности локальных цивилизаций. В рамках геоспациализма пространство любой цивилизации может быть адекватно представлено не столько традиционно-картографически, сколько образно-географически, то есть с помощью целевых системных срезов-построений ключевых цивилизационно-географических образов (образно-географических карт³²), которые также, в свою очередь, могут быть представлены как пространственные конфигурации. Такая ментальная многомерная «картография» предполагает фрактальный характер обычных, устоявшихся, традиционных цивилизационных границ, часто совпадающих с политическими границами³³; цивилизация в геоспациальном контек-

³⁰ Как правило, это очень ярко может отражаться в классических путевых записках и описаниях путешествий, когда путешественник в ходе своего путешествия попадает в совершенно иную культурную и цивилизационную среду. В качестве примера см.: Ч. Дарвин, *Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль»*. Изд-е 3-е. Москва 1975; А. Кюстин де., *Россия в 1839 году*. 2 т. Москва 1996. См. также очень интересную исследовательскую постановку: П. Холландер, *Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978)*. Санкт Петербург 2001.

³¹ См. нп: Д. Кин, *Японцы открывают Европу. 1720–1830*. Москва 1972.

³² Д. Замятин, *Культура и пространство: моделирование географических образов*. Москва 2006. С. 118–140.

³³ См. Д. Замятин, *Структура и динамика политико-географических образов современного мира*, «Полития» № 3 (17), 2000, с. 116–122; Он же. *Географические образы мирового развития*, «Общественные науки и современность» № 1, 2001, с. 125–138; Он же. *Геополитика образов и структурирование метaproстранства*, «Политические исследования», № 1, 2003, с. 82–103.

сте – это, скорее, пространственный образ геопространства, выделяющего себя наиболее репрезентативными культурными, социальными, экономическими, политическими маркерами, говорящими внешнему наблюдателю об очевидной, наглядной специфике конкретного воображения³⁴. Иначе говоря, всякое локальное воображение, представляющее себя устойчивыми сериями и системами пространственно сконструированных и построенных образов, может рассматриваться как самостоятельная цивилизация; воображение, включившее в себя пространственность как онтологическое основание, есть безусловная цивилизация. В качестве примера можно отметить, что европейская цивилизация, вне всякого сомнения, может репрезентироваться различного рода ментальными маркерами, чьи физико-географические координаты могут относиться к государственным территориям России, Аргентины или Японии.

Как же содержательно соотносится геоспациализм с географическим детерминизмом и географическим попсибилизмом? Сразу стоит указать, что все три описанных кратко концепта, или парадигмы, являются лишь ментальными, когнитивными схемами; в действительности, практически любое исследование географического фактора в генезисе и динамике цивилизаций представляет собой чаще всего, в той или иной пропорции, сочетание двух или трёх описанных схем³⁵. Тем не менее, можно говорить об определённом методологическом и идеологическом «мейнстриме», господствующем в ту или иную историческую эпоху и оказывающем влияние на большинство научных, научно-популярных работ, а также их репрезентации в обыденной или массовой культуре.

В качестве графического выражения содержательного взаимодействия всех парадигм можно представить три концентрические окружности, вставленные одна в другую. Самую маленькую из них можно уподобить геодетерминизму, среднюю – геопоспсибилизму, а самую большую – геоспациализму. Интерпретация такого изображения может быть следующей: так же как механика Ньютона не была отменена теорией относительности Эйнштейна, лишь область её применения было ограничена и локализована, также и появление геопоспсибилизма, а затем и геоспациализма привело не к отмене геодетерминизма, но лишь к сужению той когнитивной области, в рамках которой геодетерминистская парадигма является достаточно эффективной в научно-исследовательском и обыденном планах (то же верно и в отношении геопоспсибилизма к геоспациализму).

³⁴ Ср.: Б. Андерсон, *Воображаемые сообщества*. Москва 2001. О борьбе образов см. также: С. Грузински, *Колонизация и война образов в колониальной и современной Мексике*, «Международный журнал социальных наук» № 1, 1993; того же: *Америка: 1492–1992. Исторические пути и детерминанты развития в их многообразии*, там же, С. 65–85.

³⁵ См., например: Гаравалья Х.К. Люди и среда в Америке: о понятиях «необходимости» и «вероятности» // *Международный журнал социальных наук*. 1993. № 1. Май. Америка: 1492–1992. Исторические пути и детерминанты развития в их многообразии. С. 149–161.

Пространство и цивилизация: сквозные содержательные темы

Есть, по крайней мере, несколько сквозных содержательных тем, как бы прошивающих всю «ткань» концептуальных представлений о взаимодействии географического пространства и цивилизаций. Среди них можно выделить темы локального знания (локальных знаний)³⁶, феноменологии культурных ландшафтов³⁷, адаптации представителей какой-либо цивилизации в чуждом им культурно-географическом пространстве или же в культурно-географическом пространстве, которое в ментальном плане необходимо освоить, «обжить», либо «присвоить» (проблема локальной цивилизационной идентичности в широком смысле³⁸). В каждой из описанных парадигм эти темы, в той или иной степе-

³⁶ М. Мосс, *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии*, пер. с франц. А. Гофмана, Москва 1996; К. Леви-Строс, *Структурная антропология*, пер. с франц. под ред. и с примеч. В. Иванова, Отв. ред. Н. Бутинов и В. Иванов. Москва 1985; Он же. *Печальные тропики*. Львов, Москва 1999; Он же. *Путь масок*. Москва 2000; Он же. *Первобытное мышление*. Москва 1994; К. Линч, *Образ города*. Москва 1982; П. Бурдьё, *Практический смысл*. Санкт Петербург 2001; Он же. *Социальное пространство: поля и практики*. Санкт Петербург 2005; К. Гирц, *Интерпретация культур*. Москва 2004; С. Geertz, *Local knowledge*. New York 1983.

³⁷ Ф. Степун, *Сочинения*. Москва 2000. С. 804–807; П. Муратов, *Образы Италии*. Т. I–III. Москва 1993–1994; Он же. *Ночные мысли*. Москва 2000; Э. Фор, *Дух форм*. Санкт Петербург 2002; Х. Ортега-и-Гассет, *Камень и небо*. Москва 2000; С. Эйзенштейн, *Неравнодушная природа*. Тт. 1–2. М.: Эйзенштейн-Центр, Музей кино, Москва 2004, 2006; М. Фуко, *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3. Москва 2006, с. 191–205; Дж. Голд, *Психология и география: Основы поведенческой географии*, авт. предисл. С. Федулов. Москва 1990; В. Подорога, *Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии*. Москва 1995; Л. Вульф, *Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения*. Москва 2003; В. Каганский, *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство*. Москва 2001; О. Лавренова, *Культурный ландшафт: семантика культурно-географических взаимодействий*, «Известия РАН» № 3, Серия географическая, 2003. С. 114–121; М. Foucault, *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*, Ed. by G. Gordon. Brighton 1980, p. 63–77; Yi-Fu. Tuan, *Space and Place: The perspective of experience*. Minneapolis 1977; E. Soja, *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory*. London 1990; S. Schama, *Landscape and Memory*. New York 1996; J. Jackson, *Landscape in Sight: Looking at America*, ed. by H.L. Horowitz. New Haven and London 1997; *Imperial Cities: Landscape, Display and Identity*, ed. by F. Driver and D. Gilbert. Manchester 1999; Yi-Fu. Tuan, *Perceptual & Cultural Geography*, “Annals of the Association of American Geographers”, No. 4, No. 4. Vol. 93, 2003, p. 878–881 и др.

³⁸ См., например: Е. Рашковский, Г. Хорос, *Проблема «Запад–Россия–Восток» в философском наследии П.Я. Чаадаева* [в:] *Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации*. Вып. 3. Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», Москва 1988. С. 110–143; Е. Барабанов, *Русская философия и кризис идентичности*, «Вопросы философии» № 8, 1991, с. 102–116; Б. Гройс, *Поиск русской национальной идентичности*, там же, № 1, 1992, с. 52–60; Он же. *Россия как подоснование Запада, в того же Искусство утопии*. Москва 2003, с. 150–168; В. Щукин, *Культурный мир русского западника*, «Вопросы философии» № 5, 1992, с. 74–87; В. Мильдон, *«Земля» и «Небо» исторического сознания*, там же, с. 87–100; В. Кантор, *Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ)*. Москва 2001; Е. Рашковский, *Профессия – историограф. Материалы к истории российской мысли и культуры XX столетия*. Новосибирск,

ни, могут быть изучены и репрезентированы; другое дело, что сам характер интерпретации тем, а также полученные результаты могут довольно сильно различаться – в том числе и потому, что сами исследователи могут относиться к различным локальным цивилизациям с их специфическими культурными, ментальными и научными традициями и установками³⁹.

Вкратце попытаемся описать в разных методологических ракурсах постановки выделенных тем. Если *проблематика локальных знаний* достаточно уверенно формулируется и исследуется в рамках всех трёх геодетерминизационных подходов (в рамках геодетерминизма более «приземленно», с большей вероятностью на примерах материальной культуры; в рамках геопоссибилизма – с бóльшим акцентом на вероятностность и методическую гибкость, вариативность самого характера локальных знаний; в пределах геоспациализма – в сторону большего внимания к цивилизационно-пространственному переносу и диффузии, а также к трансформациям самих локальных знаний в зависимости от географической динамики цивилизаций), то *тема феноменологии культурных ландшафтов* может интерпретироваться в разных методологических традициях столь отличным образом, что её видоизменения и теоретические постановки могут привести к взаимному культурному непониманию. Тем не менее, и здесь можно нащупать некий общий «нерв» темы, а именно роль и соотношение материальной и духовной культуры, артефактов и ментифактов, обыденных представлений и представлений «высокой» культуры в становлении конкретных культурных ландшафтов. Наконец, проблематика культурного и цивилизационного наследия, вполне корректно артикулируемая во всех методологических подходах, оказывается наиболее эффективной в своих теоретической и прикладной постановках как раз в рамках динамически и расширенной понимаемой феноменологии культурных ландшафтов, вбирающей в себя актуальные на данный момент когнитивные достижения и геодетерминизма, и геопоссибилизма, и геоспациализма.

Тема цивилизационной локальной идентичности оказывается на поверку наиболее многогранной, наиболее объёмной, поскольку глубоко затрагивает онтологическую суть описанных ранее методологических дискурсов. Проблематика своей/чужой (инвариант оппозиции цивилизация/варварство) всегда актуализи-

2001; Он же. *Осознанная свобода: Материалы к истории мысли и культуры XVIII–XX столетий*. Москва 2005; В. Цымбурский, *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1992–2006*. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Москва 2007; О. Фишман, *Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.)*. Санкт Петербург 2003; см. также: *Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов*, сост., ред. и вступ. ст. Б. Ерасов. Москва 1998.

³⁹ См., например: N. Castree, *Commodity fetishism, geographical imaginations & imaginative geographies*, / "Environment and Planning" Vol. 33., A. 2001, p. 1519–1525.

руется принадлежностью к месту, территории, ландшафту; эта принадлежность может маркироваться по-разному и различными способами в зависимости от конкретной культуры и цивилизации. Понимая, что само понятие цивилизации есть безусловный научный и идеологический конструкт, оказавшийся достаточно эффективным в определённую историческую эпоху, можно предположить, что понятие локальной идентичности как бы увеличивается посредством «цивилизационной лупы», выходит на первый план благодаря широким возможностям пространственного представления и воображения цивилизационной идентичности.

Так или иначе, проблематика геопространства и геопространственного воображения принуждает, обязывает мыслить цивилизации образами, представлять их ключевыми образами, формирующими динамично меняющиеся, возрастающие в своём значении и уменьшающиеся цивилизации-образы, чья символика, семиотика, феноменология может в достаточно серьёзной степени опираться на онтологически понимаемый цивилизационный статус места, территории, ландшафта. Здесь геоспациализм фактически смыкается, «по спирали», в идеологическом отношении с географическим детерминизмом, делая «полный поворот кругом», и становясь, в известной мере, «образно-географическим детерминизмом», в рамках которого локальные цивилизации практически полностью самоопределяются соответствующими системами специфических географических образов. Цивилизации-образы, будучи в своём ментальном генезисе пространственно расширяющимися, «выталкивают наверх», в актуальное дискурсивное поле проблематику пространственного воображения и пространственной (локальной, региональной) идентичности⁴⁰; в свою очередь, пространственное изображение «цивилизуется», активно работая в границах задаваемых концептом цивилизации идеологических, культурных и научных форматах.

⁴⁰ См.: Л. Вирт, *Локализм, регионализм и централизация*, «Логос» № 6. 2003. с. 53–67; С. Роккан, Д. Урвин, *Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму*. Там же. С. 117–133; Я. Ассман, *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Москва 2004; Ж. Аттиас., Э. Бен-басса, *Вымышленный Израиль*. Москва 2002; *Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России (материалы семинара)*. Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», Москва 1999; М. Китинг, *Новый регионализм в Западной Европе*, «Логос» № 6, 2003, с. 67–117; М. Крылов, *Структурный анализ российского пространства: культурные регионы и местное самосознание [b:] Культурная география*, науч. ред. Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский, Москва 2001, с. 143–171; Он же. *Теоретические проблемы региональной идентичности в Европейской России*, «Гуманитарная география». Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. Москва 2004. С. 154–165; Он же. *Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России*, «Социологические исследования» №3, 2005, с. 13–23; Т. Кувенева, А. Манаков, *Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе*, «Социологические исследования» №7, 2003. С. 77–89; Н. Сверкунова, *Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования*,

Библиография

- Замятин, Д., *Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов*. Санкт Петербург 2003.
- Замятин, Д., *Культура и пространство: Моделирование географических образов*, Москва 2006.
- «Гуманитарная география» *Научный и культурно-просветительский альманах*. Вып. 1–6. Москва 2004–2010.
- Tuan, Yi-Fu., *Topophilia: A study of environmental perception, attitudes, and values* [in:] *With a new pref. by the author*, New York 1990.
- Schama, S., *Landscape and Memory*, New York 1996.
- Cultural Turns/Geographical Turns. Perspectives of Cultural Geography*, ed. by S. Naylor, J. Ryan, I. Cook and D. Crouch. New York 2000.
- Studying Cultural Landscapes*, ed. by I. Robertson and P. Richards. New York 2003.

Санкт Петербург 2002; *Возвращённые имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России*. Проектные материалы под ред. А.С. Макарычева. IREX и «Профессионалы за сотрудничество», Нижний Новгород 2004; M. Bassin, *Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century*, «The American Historical Review» Vol. 96. Number 3, 1991, p. 763–794; *Geography and National Identity*, Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994; E. Ayers, P. Limerick, S. Nissenbaum, *Onuf P.S. All Over the Map: Rethinking American Regions*, Baltimore and London: Johns Hopkins University Press 1996; C. Ely, *This Meager Nature: Landscape and National Identity in Imperial Russia*, Northern Illinois University Press, Illinois 2002 и др.